

Александра Кравец

«Меж двух огней»

Глава 1. Белый танец

*Будьте осторожны со своими желаниями —
они имеют свойство сбываться.*

Михаил Булгаков

Бойтесь того дня, когда ваши мечты сбываются.

Агата Кристи

Всё началось с валентинки — обычного кусочка розового картона в форме сердца с изображением пухлого ангелочка в венке из роз. Я обнаружила её в учебнике русского языка, когда вернулась домой из школы. С минуту рассматривала обложку с витиеватой надписью: «С Днём влюблённых!», — внутри обнаружила стандартное рифмованное поздравление, а под ним — подпись печатными буквами: «М. от М.». Я сразу догадалась, что значит «М. от М.». Марине от Миши. То есть мне — от самого популярного парня в гимназии. А это что-то да значит.

Я жила этим признанием два последних дня и практически убедила себя в том, что влюблена в кумира всех девчонок в школе, и, хотя за ним пока что ничего особенно интересного не последовало, я знала — главное начнётся на школьном балу, посвященному Дню Валентина и назначенному на пятницу, поэтому нечего и говорить, что я готовилась к этому событию с особой тщательностью. На деньги, подаренные мне родителями ещё к Рождеству и хранимые для особого случая, я купила новое платье — синее, простого покроя, с белым пояском; оно неплохо подходило к моим русым волосам и серым глазам — что-то более элегантно в нашем Мелкореченске было просто невозможно отыскать. Поэтому я несколько не удивилась, когда Лена и Даша, увидев меня в новом платье да на высоких каблуках, громко ахнули и тут же принялись сооружать мне какую-то диковинную причёску, выщипывать брови и делать вечерний макияж. То, что в итоге получилось, невероятно мне понравилось. Значит, должно понравиться и Мише.

Начало вечера мы с подругами пропустили, но тем эффектнее было наше появление на празднике. Нужно сказать, гимназия у нас небольшая, в каждом классе количество учащихся не превышает восемнадцати человек, параллелей нет, все друг друга знают, к тому же, учитывая то, что на бал были приглашены исключительно три старших класса — с девятого по

одиннадцатый — в зале, включая учителей, насчитывалось не более сорока человек — с учётом того, что не все школьники любят тусить на дискотеке, ну, встречаются такие уникалы.

Все более-менее значимые школьные события происходят в спортзале. По случаю праздника он был украшен разноцветными воздушными шарами, тематическими плакатами, искусственными цветами и гирляндами в форме сердечек. Приглушенный свет, не бьющий в глаза, какое-то подобие светомузыки. Старшеклассники разбились на небольшие группки, а Юлия Константиновна, учительница музыки и массовичка-затейница в одном лице, стоящая под баскетбольным кольцом, с которого в связи с Днём влюблённых свисали гроздьё бутафорского винограда, громко, в микрофон, объявляла белый танец. Из динамиков тут же хлынула популярная мелодия и волнами эха разнеслась по полупустому помещению. А группки старшеклассников дружно отхлынули от центра зала к спасительному полумраку стен. Казалось, затея с белым танцем с треском провалилась.

И тут в центре зала появляемся мы — три закадычные подруги в коротких платьях и на шпильках, с умопомрачительными причёсками и макияжем, над которыми трудились не один час. Нечего и говорить, что взоры всех присутствующих были устремлены только на нас. Признаться, сразу столько внимания я не получала с самого октября, когда на уроке физкультуры слетела с гимнастического бревна и заработала вывих лучезапястного сустава. Но сейчас для меня во всём мире существовали лишь Мишины глаза — сияющие, наполненные любопытством.

Решение было спонтанным. Стараясь не сильно сгибать ноги в коленях и не глядя по сторонам, чтобы не уронить воображаемую корону на голове, я подошла к группе парней, в центре которых красовался Миша — предмет моих воздыханий двух последних дней. Боковым зрением я, конечно же, видела, что мальчики, окружавшие Мишу — Денис, Максим, Кирилл и Данила — расступились, не переставая пожирать меня глазами. Я была довольна — значит, девочки постарались на славу, если смогли превратить меня из обычной девчонки в неотразимую красотку.

— Потанцуем? — Я подала Мише руку.

Это я только с виду такая смелая. На самом деле у меня от страха подрагивали колени и сердце отплясывало где-то в пятках. А вдруг возьмёт и откажет?..

Но нет. Миша блеснул тёмно-кариими глазами, провёл рукой по вихрам, ослепительно улыбнулся и, протягивая мне руку, произнёс:

— Конечно же, Марин, с удовольствием.

Я выдохнула и мысленно поблагодарила Бога за то, что Миша не сказал: «Почему бы и нет?»

Сердце сладко замерло, когда самый красивый парень Мелкореченской гимназии прошествовал со мной к центру зала, так, словно вёл к алтарю, а

после, развернувшись ко мне, с голливудской улыбкой во все тридцать два у всех на виду заключил в объятия. Я чувствовала себя королевой вечера. Звездой гимназии. Да что там мелочиться — центром Вселенной. Я разомлела от счастья. Никогда ещё небеса не разверзались надо мной и не изливали столько любви и благодати — я просто купалась в них! Вот он, долгожданный праздник на моей улице! Я танцую с парнем, который таким романтическим образом признался мне в любви. Это так здорово!

Когда я обрела способность что-либо понимать, то краем глаза заметила, что вокруг нас кружатся пары — последовав моему примеру, Лена и Даша тоже отхватили себе кавалеров, а за ними и другие девчонки из десятого и девятого. Мне почему-то стало неловко оттого, что мы с Мишей всё время молчим и лишь смотрим друг на друга не отрываясь.

— Хорошая песня, правда? — лишь бы не молчать, проговорила я. Не то чтобы я сильно любила попу, просто нужно было что-то сказать — я не строила из себя недотрогу и придерживалась мнения, что во время медленного танца вполне уместны если не поцелуи, то хотя бы флирт. И так как в школе под бдительным оком преподавателей первое невозможно, то нужно было срочно извлекать выгоду из второго. Я не гордая, могу начать и первой.

— Да. Неплохая, — ответил Миша и замолчал. Надолго.

— А какая музыка тебе нравится? — я не оставляла попыток завязать разговор.

— Ну... клубная в основном, — выдохнул мне в ухо Михаил. — А тебе?

— Я люблю рок.

— Правда? — Миша заметно удивился, даже отстранился от меня ненадолго, пристально взгляделся. — А по виду так и не скажешь.

Я рассмеялась.

— А как, по-твоему, должны выглядеть девушки, которые слушают рок? Ходить в косухах? В искусственно состаренных джинсах и мешковатых свитерах? С шипастым ошейником и в солнцезащитных очках всегда и везде? Демонстрировать вычурные татуировки, курить как паровоз и ругаться матом?..

Миша шумно вздохнул. Кажется, я сильно его озадачила. А хотела просто рассмешить.

— Да нет, ты отлично выглядишь, Марин, — пробормотал он, — и без этих косух с потёртыми джинсами. Я тебя в юбке, наверное, с пятого класса не видал. Тебе очень идёт. А то, что ты не куришь и не ругаешься никогда — вообще хорошо.

Дайте мне в руки лампочку — и она засветится. Мне никто никогда не делал таких комплиментов! Нечего и говорить, что я посчитала их изысканными. (Если начистоту, то за все семнадцать лет жизни мне вообще впервые признались в любви; тот случай в детском саду не в счёт.) Тем более,

Миша заметил мои ноги, а эту часть тела я всегда считала необыкновенно важной, особенно у девочек. И не беда, что он не вспомнил о лете — времени года, когда я надеваю шорты или короткий сарафан, демонстрируя всем мелкореченцам предмет своей гордости — стройные ножки. Лето вообще было та-а-ак давно...

Но на том наша беседа и закончилась. Миша стал тихонько и не совсем чисто насвистывать припев, меня же с моим абсолютным музыкальным слухом невероятно коробило примитивное построение мелодии вокруг трёх нот — явный признак того, что этот шедевр исполняла бывшая модель с рекордно узким диапазоном голоса. Но я готова назвать эту песню любимой, если Миша, наплевав на всевидящее око Юлии Константиновны или Игоря Сергеевича, сейчас меня поцелует.

Медленную песню резко сменила другая, быстрая, и Миша, выпустив меня из уютных тёплых объятий, неожиданно взял обе руки в свои. Наши пальцы переплелись. Улыбаясь друг другу, мы стали двигаться в такт заводной песенке.

— Тра-ля-ля, мы вместе будем всегда, — подпевал Миша, не отрывая от меня глаз. В его словах мне почудился некий намёк.

— Ты и я, ты и я — на века-а-а! — осипшим от счастья голосом подхватила я.

Мы оба засмеялись, а потом, продолжая напевать нелепую песню, принялись кривляться, размахивать руками и громко топтать ногами, заряжая своим весельем и танцующих вокруг. Удивительно, но такое времяпрепровождение мне необычайно нравилось!

Так мы дурачились до конца песни, когда Миша, наконец, не остановился перевести дыхание.

— Спасибо тебе, Маринка, за танцы с песнями. Было супер, — сказал он и неожиданно поцеловал меня в щёку. — Ты уж извини, но мне до смерти хочется курить. Я ненадолго выйду.

— Ладно, — протянула я.

Жизнь вокруг, казалось, замерла. Я не отрываясь глядела Мише в спину, пока он, перекинувшись со своими друзьями парой слов, не покинул танцпол вместе с Данилой и Кириллом. Он не оглянулся ни разу. Но это не так уж и важно. Лёд тронулся.

Очнувшись оттого, что кто-то из танцующих случайно или намеренно задевал меня локтями, я, не обращая внимания на обидчика, протиснулась к подругам.

— Ну что? — подмигнула Лена. — Я видела, как вы зажигали.

— Он тебя поцеловал?! — то ли спросила, то ли констатировала факт Даша.

— Ох, девчонки! — неопределённо пропела я, провела пальцем под глазами, проверяя, не размазалась ли тушь, и замахала ладонями у

разгоряченного лица. Сердце радостно трепетало в груди. Я чувствовала, что в эту ночь не усну — впечатлений хватит надолго.

Мудро решила пока что не распространяться перед подругами о валентинке от Миши, боясь вспугнуть едва наклёвывающееся счастье. Моя бабушка всегда говорила: «Счастье любит тишину», — и я полностью её в этом поддерживала.

Пока мы с Леной и Дашей, делая вид, что танцуем, просто вяло топтались на месте и обсуждали наряды других девчонок, ритм музыки вновь замедлился. Я стала вертеть головой в поисках Миши, но его нигде не было видно.

— Марина, потанцуешь со мной? — неожиданно прозвучало сзади.

Но это не Мишин голос. Подружки заулыбались. Я обернулась и разочарованно протянула:

— Максим?

Волков был моим соседом по парте с класса, наверное, седьмого, когда Вера Павловна посадила его ко мне списывать итоговый диктант по русскому языку. В свою очередь Макс неплохо шарил в математике и мог интересовать меня только с этой стороны — больше ничего, собственно, он собой не представлял.

Не знаю, почему я не отказалась. Может, потому что услышала шёпот подружек: «Ну же, Маринка, не тормози»? Или просто я не умею говорить «нет» человеку, у которого списываю лабораторные по химии и физике?..

Макс увлёк меня за собой и спустя полминуты уже одной рукой держал за талию, а другой легонько сжал кисть, переплетая свои пальцы с моими и проводя большим пальцем по запястью — тому самому, которое весь ноябрь провело в лангете.

— Ты продолжаешь заниматься музыкой? — почему-то спросил он.

— Нет. Забросила.

Помнит, как в прошлом году я выступала на собрании класса в честь двадцать третьего февраля — пела какие-то песни под гитару, уже забыла, какие именно. Это был мой дебют в гимназии. Весьма удачный, кстати говоря.

— Почему? Болит?

— Да. И вообще не до музыки мне сейчас. Пропущенное навёрстывать надо.

— А я думал, может, ты планировала связать свою жизнь с музыкой. Поступила бы в консерваторию... У тебя здорово получалось.

Я засмеялась.

— Спасибо. Но музыка просто для души. Я пока не определилась, кем именно хочу стать.

— Но какие-то мысли же имеются?

— Я выбираю между профессией медсестры и учительницей русского.

— А, ясно. Как по мне, обе профессии хороши.

Нет бы просто потанцевать, так он мне фирменный допрос устроил! Ну-ка, поспрашиваю его тоже.

— А ты? Куда из Мелкореченска?

— Хочу в Москву.

— Амбиции у тебя, однако!

— А то.

— Что-то связанное с математикой? — не унималась я.

— Скорее с компьютерами. Жить без них не могу.

— Сейчас время такое. Я тоже не могу.

Макс улыбнулся и снова приласкал моё запястье, чем несказанно меня озадачил.

Тут из-за его плеча неожиданно увидела у входа Мишу — он о чём-то разговаривал с Юлией Константиновной и Виктором Викторовичем. Миша, можно сказать, был правой рукой педагога-организатора. Без его участия не обходилось ни одно школьное мероприятие: он придумывал конкурсы, подбирал музыку, был великолепным ведущим. И неизменным старостой нашего класса. Ни у педагогов, ни у гимназистов никогда не возникало вопросов, кто из ребят будет выступать на общешкольных линейках, председательствовать в школьном совете, вести всяческие мероприятия или нести на плече звонящую в звоночек первоклассницу — всё взваливал на себя Миша Кравцов и, похоже, получал от этого удовольствие.

И вот Мишины глаза остановились на мне. На мне с Максом. Какое-то время он просто смотрел, потом усмехнулся, круто развернулся и исчез.

У меня испортилось настроение. Не терпелось закончить танец, чтобы сказать подругам, как я устала, и уйти домой.

Но несносный Максим что-то продолжал мне рассказывать, даже когда медленная песня сменилась быстрой. Я мало что слышала из его слов, только согласно кивала и улыбалась через силу. Это побочный эффект моего воспитания — не могу быть невежливой с людьми, особенно с теми, к кому равнодушна, или от кого так или иначе зависит моё благополучие.

— Марин, спасибо за танец.

— Всегда пожалуйста.

Лена с Дашей поддержали меня и тоже заторопились по домам, но за нами увязались и Денис с Антоном — мальчики, с которыми только что танцевали мои подружки. Выразили желание нас проводить. Ну, а за ними и Максим включил режим джентльмена. Мне ничего не оставалось, как отправиться домой в компании одноклассников.

Мелкореченск тонул в снегу. Над головой мерцали далёкие звёзды, изо рта облачком вырывался пар и таял во мраке ранней ночи, под ногами скрипел утоптаный снег. На дорожке, окаймлённой высокими сугробами, было достаточно узко, чтобы на ней помещались двое, лишь прижавшись друг к

другу. Я бы, конечно, предпочла шагать в одиночестве, погрузившись в мечтания, но стоило мне один раз поскользнуться, как мой сосед по парте резво ко мне подскочил и взял за руку.

— Марин, ты там поосторожнее, — крикнула шагавшая позади нас под ручку с Антоном Даша. — Не то вторую руку сломаешь!

— Очень смешно, — пробурчала я.

— Серьёзно, — поддержал подругу Макс, — не понимаю, как девушки ходят зимой на шпильках!

— Наоборот, очень удобно! — ответила Дашка. — На плоской подошве ты как корова на льду, а шпильками цепляешься за неровности и не падаешь. Всё просто!

Макс зачем-то пустился в разглагольствования об особенностях местной погоды — я не слушала. Как раз почему-то подумала о том, что подруга таки права. Мне просто необходимо прикупить сапоги на каблуке и какую-нибудь юбку, желательно утеплённую, чтобы зимой можно было ходить и не мёрзнуть. Вон у Кати Коростылёвой есть в гардеробе миленькая кожаная юбочка с меховой опушкой, типа зимний вариант, мне бы тоже такая подошла. Миша говорил, ему нравятся мои ноги...

Я жила дальше всех, на Весенней улице. Не заметила, как растворились в темноте одноклассники. Все, кроме Волкова. Я осталась с Максом наедине.

— Приятный вечер, правда? — сказал он. — Звёзды, романтика.

В свете единственного тусклого фонаря, висевшего у магазина с вывеской «Продукты от Галины», Макс в своей дублёнке и ушанке, надвинутой на глаза, выглядел настоящим медведем. Встретила бы такого в тёмном переулке — испугалась бы.

— Холодно, — честно ответила я.

— Замёрзла? — бодрым тоном спросил он и, подставив свою руку для того, чтобы я продела в неё свою, добавил: — У тебя тонкие перчатки? Можешь засунуть мне руку в карман.

— Просто давай пойдём быстрее?

Он уткнулся, и наши подошвы дружно захрустели по утопанному снежку. Было немного грустно. Я ждала от этого вечера немного больше, но, думаю, у нас с Мишей всё ещё впереди. Не последний же день виделись, в самом деле.

Мой дом третий за поворотом, небольшой, но с мансардой, у дома — вишнёвый садик, огороженный невысоким деревянным штакетником с резной калиткой, обычно запертой на простую щеколду, которую открыть снаружи так же легко, как и изнутри. У нас в Мелкореченске не боятся воров. Особенно если по огороду бегают какой-нибудь упитанный Полкан.

Мне показалось, что, подходя к третьему номеру по Весенней, Макс немного замедлил шаг, как будто не особо хотел со мной расставаться.

— Ну, до свидания, — промолвила я и выразительно на него посмотрела.

— Да. До свидания.

— Спасибо за доставку.

— Всегда пожалуйста.

Отвечает моими же словами? Я усмехнулась, махнула ему на прощание рукой и, хлопнув калиткой, вприпрыжку побежала к крыльцу.

Уже стоя перед зеркалом в своей комнате и приводя себя в порядок, неожиданно наткнулась на затерянный среди разношёрстных баночек, флаконов и тюбиков шитый собственноручно тёмно-синий мешочек, перевязанный золотистой ленточкой. Машинально взяла его в руки. Под моими пальцами захрустели засохшие еловые иголки. Улыбнулась — это тот самый мешочек, в который я запечатала своё «новогоднее желание». Есть такое поверье: если выложить из иголочек заветное слово и позитивно помыслить, а затем припрятать иголки в мешок, но так, чтобы он время от времени попадался на глаза, то желание непременно сбудется.

Я так и сделала. Только для верности под бой курантов ещё и выпила бокал шампанского с пеплом, чтобы в этом году любовь наверняка не обошла меня стороной. И, по всей видимости, моё новогоднее желание начинает сбываться!..

Но не это показалось мне странным. Я намеревалась грезить до утра, однако уснула, едва коснувшись головой подушки.

Глава 2. Снегопад

Мой новый образ произвёл в школе настоящий фурор. Чего я совершенно не ожидала, так это того, что стану объектом повышенного внимания среди мужской половины класса. Саша Акимов, едва я вошла в кабинет истории, издал восхищенное: «Вау!», Кирилл Баринов раза два ронял около меня свой старенький мобильник, Глеб Сиволапов ни с того ни с сего попросил объяснить ему правило правописания приставок пре- и при-, Данила Голубкин всё снимал какие-то невидимые ниточки с моей новой юбки, а сосед по парте постоянно косил в мою сторону глаза и чаще обычного касался своим локтем моего.

Но мне была важна лишь реакция Миши. И она не замедлила явиться. На первой же перемене, когда я рылась в сумке в поисках зеркала, сзади неожиданно обожгло ухо чьё-то дыхание, и знакомый, такой желанный голос произнёс:

— Ты сегодня потрясно выглядишь, Маринка. Мне очень нравится.

— Спасибо, — заикаясь, промямлила я.

— Настоящая рокерша. — Миша заглянул мне в лицо и хитро подмигнул.

— А говорила, не носишь кожаных вещей.

— Я исправлюсь, — хихикнула я.

— Ловлю на слове!

Миша подмигнул ещё раз и объявил во всеуслышание, что идёт покурить. Его закадычные друзья Кирилл и Данила отправились вслед за ним. У меня пылали щёки.

На большой перемене в столовой мы с девчонками обсуждали, естественно, мой сегодняшний образ.

— Юбку я сама перешивала, — жуя бутерброд, делилась подробностями я, — из старых папиных брюк. Вы же знаете, у нас в Мелкореченске никогда нужной вещи не найдёшь. — Я вздохнула.

— Отлично получилось. — Даша помяла в руках подол, осмотрела швы. — Аккуратно. И не скажешь, что это хенд-мейд.

— Только не говорите никому, ладно? А сапожки я купила. Сначала хотела ботфорты — смотрелись они на мне очень даже неплохо, но потом передумала.

— И правильно, — поддержала Лена. — Помнишь, в прошлом году Ксюха припёрлась в школу в шортах и топе? Директриса отправила её домой переодеваться.

— Помню, было дело. Потому и не рискнула. — Я отпила из стакана. Чай сегодня явно пересладили. — Правда, деньги пришлось взять под проценты у младшей сестры — свои я потратила на синее платье.

— Ого! — удивились подруги. — Твоя сестрёнка не промах.

Я улыбнулась.

— Просто она копит деньги на роликовые коньки. Розового цвета.

— Я тоже в её возрасте страстно хотела себе розовые ролики, — сказала Даша.

— А я — гитару, — тихо добавила я.

Тут к нашему столику подсел Миша.

— Приятного аппетита, — пожелал он.

— И тебе не подавиться, — дружно отвечали девчонки.

Я промолчала, лишь красноречиво впиалась взглядом в Ленку. Та поморгала секунд пять, соображая, что именно от неё требовалось, потом, толкнув соседку в бок, громко оповестила всех посетителей столовой:

— Ой, я и забыла, Даш, нам же в библиотеку срочно нужно. Книжку сдать! Пойдём!

Удивлённая Даша, однако, не сказала на эту неожиданную реплику ни единого слова, лишь пожала плечами, мол, надо так надо, и поднялась вслед за подругой. Какие они у меня всё-таки классные!..

Разделяваясь со своей порцией, состоявшей из котлеты и макарон, Миша пострелял в меня глазами, потом всё же решил спросить:

— Чем занималась в выходные?

Кроме того, что ждала от тебя звонка и кромсала папины штаны — ничего, подумала я, но вслух сказала:

— Да так, как обычно. Читала, телевизор смотрела. А ты?

— А я отцу помогал машину чинить, — с гордостью произнёс Миша.
— Видишь?

— Ага...

Он продемонстрировал мне свои руки с вьёвшейся под ногти и кожу грязью. Мишка гордился своим отцом — насколько я знала, он занимал важную должность в областном управлении образования и науки, часто ездил в командировки и редко проводил время со своими детьми, но если уж проводил, то Мишка запоминал это надолго как лучшие дни в своей жизни. В отличие от него я чувствовала себя сиротой. Мои родители работали за границей и приезжали в Мелкореченск один раз в год, и то не на мой День рождения и не на Аннушкин, а как придётся. Нас с сестрёнкой воспитывали дедушка с бабушкой.

— Кстати, Марин, — вдруг вспомнил Михаил, — Лариса Степановна просила тебя зайти.

Я едва не поперхнулась остатками чая.

— Зачем?

— Вот уж не знаю.

Директора — женщину строгую, но справедливую — я не боялась, так как не знала за собой никакой вины. Но и вызывала она меня к себе за все одиннадцать лет всего-то ничего — пару раз, не более, и то по каким-то общественно полезным делам. Я терялась в догадках, зачем же я ей понадобилась.

Секретарь, молоденькая девушка из бывших учениц гимназии, тоже понятия не имела, по какому такому поводу я сейчас нервничаю. Я немного потопталась перед дубовой дверью с табличкой «Директор», оправила юбку, постучала и получила приглашение войти.

— Здравствуйте, Лариса Степановна. Вызывали?

Кабинет директора светлый и просторный, как ему и полагается быть, мебель новая, недорогая, на одной из стен — большая политическая карта мира, шкаф ломился от папок и учебников, подоконники и этажерки — от цветов с крупными мясистыми листьями.

Бросила взгляд в зеркало, висевшее на стене у двери. Не узнала саму себя. Выглядела я, конечно, неплохо — ниспадающие почти до талии светло-русые волосы, глаза подведены чёрными тенями, в ушах крупные кольца, чёрный свитер крупной вязки (бабушка старалась), короткая юбчонка из штанов папиной молодости, на стройных ножках — элегантные сапожки. Красиво, но в кабинете директора гимназии совершенно неуместно. Я невольно вздохнула.